

Самый обаятельный и привлекательный

Александр Любимов как зеркало русской телеэволюции

Алексей ФИЛИППОВ

Мы любили его, и он этого стоил. Чудесная улыбка и открытое лицо, честные глаза и говорящая о добром нраве приятная полнота — десять лет тому назад Александр Любимов был совершенно очарователен. Знаменитая реплика: «Вы смотрите программу «Взгляд», оставайтесь с нами»... И зрители понимали, что сделали правильный выбор, — дружелюбие, уважение к публике и интерес к собеседнику действовали безотказно.

С тех пор прошла целая вечность. Любимов сделал головокружительную телевизионную карьеру и основательно раздобыл; маечку, в которой он когда-то появлялся в эфире, сменил строгий костюм. Он был начинающим — стал мэтром, был оппозиционером — превратился в одного из хозяев экрана, остепенился, разбогател, дал множество интервью... Перед нами пример замечательно удавшейся жизни: человеку не пришлось бросать лирику ради торговли; он состоялся, занимаясь любимым делом, и при этом сохранил самостоятельность суждений. Новые времена Александр Любимов начал ругать посреди всеобщей эйфории, о том, что надо уйти в свою, свободную от политики и политиков жизнь, заговорил задолго до 1998 года... У него есть один бесценный для нацеленного на карьеру человека дар — он все делает правильно.

Единственным исключением, пожалуй, стал предшествовавший расстрелу Белого дома ночной прямой эфир, когда оторванные от приятного застолья Любимов со товарищи посоветовал всем — и красным, и белым — не рисковать своими ребрами, а идти домой. Последствия для имиджа «взглядовцев» были плачевными, и больше он так не попадался.

Александр Любимов — сфинкс голубого экрана: он так же загадочен, столь же туманно выражает свою мысль. Любимов ругал новых хозяев жизни, но не называл никаких имен; обличал и бичевал — и

сохранял с ними ровные отношения. Понять, что за этим стоит, сложно: то ли все вызывает у него одинаковую антипатию, то ли он ко всем равнодушен. Докопаться до истины нелегко и потому, что брать у Любимова интервью мучительно больно: мысль рвется, прыгает, одна тема сменяет другую, без насилия над речью героя связный текст из этого сделать трудно. Он не теоретик, не мыслитель, отвлеченные понятия для него не существуют. Но с тем, что он очень умный человек, согласны и те, кто его не выносит.

Это ум особого рода — не блестящий, не изощренный, но в некоторых областях очень ясный: там, где речь идет о карьере, работе и проблемах телекомпаний, он действует, как компьютер. Он один из владельцев компании, те, кто в ней работает, получают его деньги и помнят об этом: резких движений генеральный директор «ВИДа» не любит, но резким быть умеет. В «ВИДе» Любимов, выпускник экономического факультета МГИМО, отвечает за финансы и отлично справляется с этой задачей, а вот с его передачами все обстоит сложнее.

В обновленном «Взгляде» с телезрителями разговаривал сложившийся человек, который больше не собирается изменяться («наступает момент, когда ты уже не меняешься. Меняются только твои потребительские стандарты»). В прежнем — мальчик, у которого все было впереди и которому все было любопытно. На прежнего Любимова было интересно смотреть потому, что ему самому были интересны люди; нынешний Любимов, задавая собеседнику вопросы, исполняет обязательный ритуал, следует правилам игры — и при этом чувствует себя умнее своего визави.

Журналистика — профессия циничная, по отношению к тележурналистике это справедливо вдвойне. Газетчики довольно долго были чет-

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНЧЕВ

вертой властью, а потом стали обслуживать власти предрешающие по полной программе. То же произошло и с телевидением — вот только нравы тут более жесткие. Строже иерархия, сложнее выдвинуться, для того чтобы подпитать себя и свои программы, которые стоят больших денег, приходится идти бог знает на что... Дело о взятке, в которой обвинила Любимова журналистка «Известий», решил суд, но никакой судья не может прекратить разговоры, идущие вокруг телевизионных дел и телевизионных денег. Генеральная прокуратура давала утечки информации о сомнительных операциях «ВИДа». Скуратов говорил, что, если бы не противодействие бывшего листьевского окружения, расследование шло бы быстрее... На заданный ему года два назад вопрос, не приходилось ли делать сюжеты по заказу мафии, Любимов ответил: «С ними значительно проще, чем с государством. С бандитами всегда можно договориться». Понимал ли он, о чем его спросили и что он сказал в ответ?

Многие из тех, с кем он начинал, по дороге отстали — кто теперь помнит Мукусева и Захарова? — а он сумел дойти. Он остался. Теперь он будет с нами всегда.

Успех мальчишек из «Взгляда» объяснялся еще и тем, что советские зрители устали от лиц, мелькавших на советском экране, — мы видели их годами, мы привыкли к ним, как к нашим женам. И с ними было гораздо проще расстаться. Вот мы и бросили их ради нового, перестроенного телевидения: молодые Листьев, Любимов, Политковский, Киселев, молодой и рьяный Караулов... Иных уже нет, а те, кто остался, вальяжны и преисполнены чувства собственного достоинства. Как бы ни легли карты, но для телевизионного пасьянса используют одну-единственную колоду — наше телевидение бесконечно долго будут олицетворять эти лица, новые возникнут не скоро.

Любимов появляется в эфире потому, что он любит живое телевидение и не может без него жить. Масштаб его влияния определяют

совсем другие вещи: он генеральный директор и крупный акционер «ВИДа», компании, в которой работает около семисот человек и которой по уши должно ОРТ. Самое интересное происходит за кулисами, вдалеке от чужих глаз: когда Любимова назначили шефом информационной дирекции ОРТ, газеты писали, что Борис Березовский рассчитывает на его безупречный профессионализм. Говорили — разумеется, абсолютно безосновательно, — что Березовский таким образом отсрочил выплату долгов, говорили — вдвойне безосновательно — о некоторых личных договоренностях... Но карьера на ОРТ не задалась: здесь нужен свой, нужен стопроцентно верный исполнитель, а он для этого был чересчур крупен (и слишком осторожен). Большой бедой это не оказалось — у Любимова остался «ВИД».

Пусть у него нет гениального листьевского чутья («Поле чудес» стало действительно народной передачей), но своей репутации, славы одного из самых грамотных телевизионщиков он стоит. Телевидение, которое создает Александр Любимов, всегда отражало время: в восьмидесятые — дух обновления, в конце девяностых — атмосферу нового застоя. Он почти ничего не умел — и делал очень хорошие передачи, он многому научился — и его программы поскущели... Любимов не художник, подминающий время под себя. Он всего лишь профессионал, и он делает то, чего мы, сегодняшние, заслуживаем.

А в свободное время он ходит в театры и Дом кино, качает железо, занимается подводным плаванием, водит спортивный самолет... Бывший советский плейбой (папа-разведчик, элитный институт, иновещание) и постсоветский яппи живет вполне западной, чуть стерильной жизнью — семьянин Любимов в порочащих его связях не замечен. Он ни о чем не жалеет, вполне доволен своей судьбой и на вопрос: «Как живется?» — неизменно отвечает:

— Живется очень хорошо. Мне всегда жилось и живется хорошо.